

Ецао Чуань поднял голову и с лёгкой улыбкой произнёс:

— Нет, теперь, когда ёкаи покинули префектуру Нара, у меня есть более важные дела. Я должен остаться.

Хэйцзэ Цинъюань, глядя на серьёзное выражение лица Ецао Чуаня, слегка нахмурил брови, но ничего не сказал.

Небо было ясным, и в темноте поднимались клубы демонической дымки, на которых двигались различные ёкаи, шумно и беспорядочно направляясь в сторону Токио.

Хэйцзэ Цинъюань засунул руку в рукав и достал красный шнурок с чёрным нефритовым круглым кулоном, излучающим сдержанный чёрный блеск, и протянул его Ецао Чуаню.

— Возьми это. Если когда-нибудь отправишься в Токио, покажи это на северной улице Хуатин, и тебя встретят.

Ецао Чуань протянул руку и взял кулон. Чёрный нефрит был тёплым на ощупь, видимо, ещё сохранял тепло тела. Внутри кулона ощущался поток духовной силы. Ецао Чуань сжал его, почувствовав эту силу, и в его глазах мелькнула радость. Он посмотрел на Хэйцзэ Цинъюаня и сказал:

— Спасибо!

Хэйцзэ Цинъюань кивнул, развернулся и взлетел на один из клубов демонической дымки. Он махнул рукой, и ёкаи в небе мгновенно ускорились, быстро исчезая за горизонтом.

Ецао Чуань убрал кулон, достал белую бумагу с талисманом, лёгким движением левой руки сложил пальцы в мудру и прошептал заклинание. Белая бумага полетела по диагонали, и с лёгким хлопком взорвалась дымка. Когда дым рассеялся, появился бумажный олень. Олень повернул голову, издал тихий звук, и Ецао Чуань легонько коснулся его рогов, прежде чем сесть на него. Олень снова поднял голову, издал звук и понёс Ецао Чуаня вглубь леса.

Ецао Чуань внезапно поднялся, посмотрел вдаль, затем наклонился и тихо прошептал что-то на ухо бумажному оленю:

— Иди туда.

Олень, словно поняв его, прыгнул на дерево и свернул в другую сторону. Ецао Чуань слышал, как ветер свистел у него в ушах. После нескольких прыжков олень исчез с ним в глубине леса.

В котловине Нара, перед святилищем Гунай.

Старый монах в серо-чёрной монашеской одежде стоял перед тории. Его веки были опущены, скрывая глаза, а морщины на лице говорили о долгих годах жизни. Он казался дряхлым, но от него исходила мощная аура. В руках он держал чётки, и в бусинах мерцал буддийский свет.

Монах медленно сделал маленький шаг вперёд, и вокруг внезапно поднялся сильный ветер. Верёвки на тории закачались, белые амулеты в форме ромба зашевелились, и появился защитный барьер. Талисманы сикигами на красных столбах тории словно ожили, извиваясь, они оторвались и упали на землю, превратившись в двух белых воинов в доспехах. Их лица были суровы, а взгляд застыл, они смотрели на монаха за барьером.

Монах остановился, поднял взгляд, и в его глазах мелькнул блеск. Уши его слегка дрогнули, и из леса донёлся звук шелеста травы. В этот момент белая тень вылетела из леса и остановилась перед тории — это был бумажный олень с Ецао Чуанем.

Ецао Чуань заметил, что перед тории действительно появился человек. Он почувствовал, как защитный барьер, установленный вокруг святилища Гунай, был нарушен, и поэтому изменил направление, чтобы посмотреть, что происходит.

— Амитофо, — старый монах повернулся и, увидев Ецао Чуаня на бумажном олени, слегка двинулся и произнёс буддийскую мантру.

Ецао Чуань посмотрел на старого монаха. Хотя тот казался на грани смерти, за его головой висел круг света, невидимый обычному глазу. Буддийский свет, яркий и ослепительный, спускался с его головы, окутывая его и не позволяя окружающей тьме приблизиться. Очевидно, его буддийские практики достигли невероятных высот. Почему он здесь? Ецао Чуань не мог понять, но в его сердце зародилась настороженность.

— Кто вы? — спросил Ецао Чуань, пытаясь вспомнить что-либо о нём, но ничего не нашёл. Похоже, его прежний хозяин тоже не знал этого человека.

— Хо-хо-хо, — старый монах перестал перебирать чётки и улыбнулся добродушно. — Не волнуйся, юный друг. Я скоро покину этот мир, а сегодня пришёл устранить здесь угрозу.

Ецао Чуань слегка вздрогнул. Похоже, этот старый монах достиг совершенства. Увидит ли он, что он переродился?

— Пожалуйста, открой этот барьер, — старый монах указал на белый амулет на тории, который светился.

Монах, видя, что Ецао Чуань всё ещё сомневается, объяснил:

— Год назад я уже предупреждал жрецов святилища Гунай о грядущей беде, но они не восприняли это всерьёз. Я не мог вмешиваться в дела святилища, поэтому его уничтожение было неизбежно. Однако эта печать связана с энергетическими потоками региона Кинки. Теперь, когда великие ёкаи разрушили печать и сбежали, я должен как можно скорее восстановить эти потоки.

Хотя в словах старого монаха было много несоответствий, Ецао Чуань не стал их разоблачать. В конце концов, он не имел отношения к святилищу Гунай, и смерть этих людей его не касалась. Ецао Чуань прыгнул с оленя, указал пальцем, и белый свет вылетел из его руки, ударив в барьер. Барьер начал вращаться, медленно открываясь в стороны.

Старый монах добродушно посмотрел на Ецао Чуаня, явно довольный его сотрудничеством. Он поднялся по ступеням тории, и, казалось, сделал всего один шаг, но в следующий момент уже оказался на вершине лестницы, явно используя какую-то способность. Ецао Чуань, не успев удивиться, быстро последовал за ним.

Поскольку святилище уже было очищено Ецао Чуанем и защищено барьером, внутри царила чистота, и следы смерти и скверны давно исчезли.

Ецао Чуань быстро добрался до заднего двора, где находилась печать. Восемь огромных деревьев стояли в определённом порядке, их ветви переплетались, окружая земляной холм. Девятое дерево, которое раньше здесь было, было сломано пополам и лежало перед холмом.

Столб печати валялся рядом, верёвки печати порвались, а отверстие печати зияло, сохраняя следы разрушения. Ецао Чуань планировал восстановить печать, когда его силы немного восстановятся, поэтому он только очистил кровь и скверну, но ничего больше не трогал. Теперь, когда кто-то другой взялся за это, он с радостью позволил ему работать.

Старый монах уже стоял перед земляным холмом. Он указал на порванные верёвки, и они поднялись в воздух. На месте разрывов появился золотой буддийский свет, и верёвки мгновенно восстановились, вернувшись к своему первоначальному виду. Затем монах подошёл к упавшему девятому дереву, присел и положил свою худую руку на ствол. Он начал шептать мантру, и зелёные огоньки появились из земли, быстро собираясь и вливаясь в дерево. Ецао Чуань почувствовал, как жизненная сила дерева быстро восстанавливается. Через мгновение монах поднял руку, и огромное дерево поднялось прямо вверх. Ецао Чуань молча отступил на шаг. Этот старый монах действительно был необычным.

Когда девятое дерево встало на место, энергетические потоки в этом месте изменились, устремившись к земляному холму. Затем монах указал на столб печати, и тот поднялся в воздух. Монах провёл рукой, и столб с грохотом вонзился в холм. Ецао Чуань почувствовал, как земля под ногами содрогнулась. Когда столб вернулся на место, верёвки печати, словно живые змеи, обвились вокруг него, сверкая светом. Но этого было мало. Монах встал перед столбом, его аура изменилась, и он начал перебирать чётки, читая мантру.

Ецао Чуань думал, что всё почти закончено, и монах просто проведёт короткий обряд, но тот читал всё быстрее и быстрее, не останавливаясь. Золотой буддийский свет вырвался наружу, превращаясь в крошечные мантры, которые врезались в столб печати. Верёвки печати извилились, разделившись на девять частей, которые быстро обвили стволы девяти деревьев. Буддийский свет протекал по верёвкам, соединяя столб печати и делая печать ещё крепче.

Закончив, монах перестал читать мантру и глубоко вздохнул. Буддийский свет вокруг него стал тусклее.

В этот момент произошло нечто странное. Вокруг начали падать лепестки, раздалось буддийское пение, и поднялся дым. Золотой свет, появившийся ниоткуда, окутал тело монаха.

<http://bllate.org/book/16330/1473935>